

Я думаю, что бесполезно и россиянам напомнить о том, что массовое человеческое творчество возможно лишь тогда, когда люди свободны или, по крайней мере, борются за продолжение своего освобождения, за свободу духа.

*Кузнецов Н.С.
(Екатеринбург)*

МАНЬЧЖУРИЯ – РОССИЙСКАЯ АТЛАНТИДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СМЫСЛ

На фоне катаклизмов XX в. – революций, «великих переломов» и череды событий последних лет, переживаемых Россией, тема русской, российской общности в Маньчжурии – северо-восточной провинции Китая – может показаться локальной, имеющей значение для историка лишь в связи с судьбой русской эмиграции. Или близкой лишь тем, кто жил в Маньчжурии, в Харбине – этом уникальном русском городе на китайской земле, тем, для кого Маньчжурия была «малой родиной» и которых сегодня становится все меньше и меньше.

Однако, тема русской общности в Маньчжурии в первой половине XX столетия имеет еще один, весьма интересный и мало осмысленный аспект, который может быть актуальным именно в связи с сегодняшними проблемами, спорами о пути развития России. Этот аспект касается способности русского человека к «обустройству» жизни, то есть к созданию ее культурных, цивилизованных форм, форм, которым не присуща уродливость от крайностей, а, напротив, где сосуществуют свободная инициатива и порядок, материальное богатство и культура.

И поэтому в нынешних условиях бесполезно вспоминать о достижениях России на рубеже XIX и XX столетий, которые убедительно показывают, что может творческая инициатива российского народа под руководством честной и культурной администрации.

Одним из примеров таких достижений является постройка императорской Россией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) на территории Маньчжурии – тогда дикой и малонаселенной провинции Китая. Освоение русскими этого края, в результате чего на территории, временно принадлежащей России, в так называемой «полосе отчуждения», возникла не просто значительная по своим размерам национальная общность россиян, но и своеобразная, уникальная российская цивили-

зация, просуществовавшая с начала века до середины 50-х гг., после чего начался окончательный массовый исход русского населения из Китая, частично – в Советский Союз, а частично – в иные страны или, как тогда говорили – «за речку»: в Австралию, Бразилию, Канаду, в Соединенные Штаты.

Постройка КВЖД имела своей основной целью соединить кратчайшим путем Сибирскую магистраль с Уссурийской железной дорогой для установления сплошного рельсового сообщения Европейской России с Дальним Востоком. Вначале предполагалось продолжить железнодорожный путь по северному берегу Амура на Хабаровск, но результаты изысканий показали значительные технические трудности и финансовые затраты. Тогда возникла мысль о проведении пути через Маньчжурию. Проект привлек внимание крупного государственного деятеля России С.Ю.Витте и был им поддержан.

Переговоры с Китаем о сооружении Маньчжурской линии начались в конце 1895 г. В 1896 г. китайское правительство выдало России концессию на постройку и эксплуатацию Маньчжурской железной дороги, впоследствии названной КВЖД. Постройка и эксплуатация ее представлялись Русско-Китайскому банку, который для этого учреждал «Общество КВЖД». Общество имело право эксплуатировать дорогу в течение 80 лет со времени открытия движения по всей линии, после чего дорога бесплатно переходила к китайскому правительству. Кроме того, по прошествии 36 лет со времени открытия, китайское правительство имело право выкупить дорогу. И хотя срок сдачи дороги, намечавшийся на 1902 г., был нарушен вспыхнувшим в Китае народным восстанием, принесшим дороге значительные разрушения, 1-го июля 1903 г. дорога была передана в эксплуатацию. «Полоса отчуждения» КВЖД стала той территорией, где еще до революции 1917 г. проживало значительное количество русского населения (около 200 тыс.) и где русская творческая инициатива проявила себя в полном блеске. В малолюдной суровой местности, где с самого начала постройки железной дороги возникали возможные помехи в виде наводнений, эпидемий, народных волнений и т.п., менее чем за десять лет был проведен и прекрасно оборудован рельсовый путь протяженностью в 2333 версты (1500 км, а затем и Южная линия – протяженностью в 950 км), с целым рядом вспомогательных предприятий, океанским и речным пароходством. Со сказочной быстротой, сравнимой, пожалуй, лишь с ростом городов американского Запада, воз-

никали в этой недавно полупустынной местности такие города, как Харбин, Дальний и другие населенные пункты.

То, что россиянами (так как в освоении Маньчжурии принимали участие представители многих национальностей Российской империи), а порой, можно сказать, — русскими, поскольку оных было все-таки большинство, была создана в Маньчжурии уникальная цивилизация, нисколько не является преувеличением.

В настоящее время достаточно осознана эвристическая значимость понятия «цивилизация», позволяющая характеризовать исторические типы обществ комплексно, включая «человеческое измерение». Существует определение цивилизации как «существующей в определенное время на определенной территории системы, в рамках которой действует историческая общность с присущей ей совокупностью политической, экономической, культурной, духовной, в том числе — конфессиональной характеристикой»¹. С.Хантингтон, рассматривающий понятие цивилизации и цивилизационных различий, как ключевые в общественных отношениях XI в., определяет цивилизацию как «...культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей»². Со времен Просвещения существует и другой, не менее значимый смысл понятия цивилизации как определенного качественного состояния общества, характеризующегося мерой развитости, порядка, создающего условия достойной жизни людей.

Деятельность россиян в Маньчжурии соответствует всем признакам цивилизации и цивилизованности. Помимо рельсового пути и строительства городов и поселков, что уже само по себе является мощным цивилизующим фактором, наличия, согласно договору с Китаем, в «полосе отчуждения» своих охранных войск, суда, администрации, русские внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства, добывающей промышленности в Маньчжурии. За какие-нибудь 10–15 лет с постройки КВЖД русские сельские хозяева создают в новых местных условиях молочное хозяйство, коневодство, свиноводство, овцеводство, кролиководство, культурное птицеводство, пчеловодство, вводят новые культуры (ячменя, овса, льна, сахарной свеклы), расширяют культуру пшеницы, разводят русские овощи, организуют садоводство. Можно сказать, что русские в Северной Маньчжурии явились пионерами многих отраслей сельского хозяйства, одновременно стала развиваться и промышленность, обрабатывающая сельскохозяйственную продукцию. Возникают

предприятия: мукомольные, маслособойные, винокуренные. Возникает добывающая промышленность: открываются несколько угольных месторождений, появляются лесные концессии и т.д.³

Центром русской культурной жизни в Маньчжурии стал город Харбин, построенный русскими на берегу большой реки Сунгари, несущей на север свои желтые воды. Возникший на стыке железных дорог и судоходной реки, на почти пустынной местности, в начале XX в., Харбин уже через десять лет насчитывал более 30 тыс. жителей, а к середине 20-х гг. — свыше 200 тыс. Это был русский город на китайской земле, но в так называемой «полосе отчуждения КВЖД». Как отмечает доктор исторических наук Г.В.Мелихов, он был построен русскими архитекторами по плану, специально утвержденному в Санкт-Петербурге. Это был уникальный город, являвшийся впоследствии главной экономической базой российской эмиграции в Китае, город, в котором почти 30 лет после Октябрьской революции общественная и культурная жизнь большой русской колонии протекала по укладу дореволюционной России с соблюдением всех традиций, православных праздников и обычаев, что создавало специфическую культурно-цивилизационную самоидентичность. Харбин был центром русской культуры, русской цивилизации в Маньчжурии. Школы, высшие учебные заведения, театры, балет, оперетта, музыкальные и медицинские курсы, пресса, рестораны, отели, кафе, магазины и т.п., возникшие в этом городе, достигли небывалого расцвета.

Действительно, это было уникальное явление. На маньчжурской, чужой земле, вдали от России, сотрясаемой социальными катаклизмами, своей традиционно русской жизнью живет русское население. Оно не видит разницы — Россия это или Маньчжурия. Ребенок идет в русскую школу, заканчивает ее, идет учиться дальше — в высшее учебное заведение, на курсы и т.д. Везде русские учителя, русская речь, русское обучение. Хочется пойти вечером в театр, на концерт, в оперу, на балет — все по-русски: и программа, и разговор в зале и на сцене. Празднуются все православные праздники, соблюдаются обычаи и традиции: крещение детей, венчание в русской церкви. На Рождество устраиваются детские утренники, дети ходят со звездой; затем — масленица с традиционными русскими блинами, варениками, сырниками и катаниями; Великий пост, а затем Пасха с куличами, крашеными яйцами, хождение к заутрене и хождение к знакомым и не очень знакомым.

Необходимо отметить и специфику межнациональных отношений в российской диаспоре. В Маньчжурии и, тем более, в Харбине проживали представители многих национальностей бывшей России, и это было взаимоуважительное, цивилизованное сосуществование. При этом представители каждой нации сохраняли свою религию, обычаи, традиции и, одновременно, находились в тесном общении между собой и коренным населением. Всех россиян объединяла принадлежность к России, языком общения был русский, и базовая культура тоже была русская. Одновременно существовали национальные общины со своими храмами, школами, домами для общения. Коренное население Маньчжурии также жило своей жизнью, соблюдая свои праздники и традиции. Китайцы на Новый год, празднуемый по лунному календарю, в феврале, носили драконов по улицам, ряженые ходили на ходулях, танцевали под грохот огромных барабанов и медных тарелок, монголы и буряты устраивали состязания всадников.

Для управления многонациональным составом населения Харбина и других населенных пунктов уже с 1908 г. вводились органы самоуправления. В их выборах участвовали все лица без различия подданства, национальности, сословия и вероисповедания. Для разрешения всяких недоразумений и споров существовали смешанные суды из представителей местных властей и железной дороги. В этом опыте сочетания национальной самоидентичности с базовой культурой есть немало поучительного для сегодняшнего строительства межнациональных отношений.

Одним из важнейших признаков цивилизованного общества является развитость торговли, сферы обслуживания, удовлетворение насущных материальных потребностей людей. Жизнь в Харбине, развитость сферы обслуживания, отелей, кафе, ресторанов, ассортимент гастрономических магазинов свидетельствуют о весьма высокой степени развития этих сторон общественной жизни. Для обслуживания приезжавших в Харбин имелся целый ряд отелей и гостиниц, которые могли соревноваться с лучшими отелями мира. Были, например, такие фешенебельные отели как «Гранд Отель», «Ориант», «Европа», «Модерн». Были и обыкновенные, не отличавшиеся особой роскошью, но вполне приличные гостиницы. Большинство этих отелей имело свои уютные рестораны с первоклассной кухней, красивыми залами. Необходимо отметить, что для обслуживания широкой публики в Харбине было обилие раз-

личных ресторанов, кафе, баров, домашних обедов, харчевок и т.д. на любой вкус, для любого кармана. Богатством ассортимента отличались харбинские пекарни и харбинские гастрономы.

Такой высокий уровень обслуживания и торговли свидетельствует о значительных возможностях частного предпринимательства, но при ряде важнейших условий: при разумных налогах, правовой защите предпринимателя и купца, наличии кредитования и социальной стабильности, при достаточно высоком культурном уровне самих предпринимателей, а также работников государственных и правоохранительных органов. Весьма показателен рост российских предприятий в 20-х гг. прошлого века. Если в 1920 г. их было 100, то в 1922 г. – более 500, а в 1925 г. – 1200⁴. И, напротив, в период оккупации Маньчжурии милитаристской Японией деятельность российских предприятий стала угасать.

Одним из показателей общественной зрелости людей является наличие гражданского общества. Когда в период гражданской войны в России в Харбин хлынула масса беженцев, перед вновь прибывшими возникли проблемы обустройства жизни в новых условиях. Сразу же возникли разные благотворительные организации, всевозможные комитеты – патронажи для детей-сирот, приюты-училища, общество помощи инвалидам, дешевые столовые и т.д. В 1920 г. развернул свою деятельность Беженский комитет. Надо отдать должное властям Китая: они не вмешивались во внутреннюю жизнь русской эмиграции. Можно было создавать любые организации и объединения. «Приходится только удивляться, – отмечает А.Попов, как эти люди без помощи со стороны государства в такой короткий срок создали вполне удовлетворительные условия жизни. Люди не голодали, не было беспризорности»⁵. Существенным фактором здесь было и то, что среди прибывших был большой процент высококвалифицированных специалистов: инженеров, юристов, врачей, коммерсантов, педагогов, духовенства, преподавателей.

Поэтому, говоря о российской цивилизации в Маньчжурии, нельзя не сказать особо о развитии самой духовной культуры. Роль последней далеко не всегда осознается, особенно в сегодняшнем российском обществе. Постановка образования и развитие духовной культуры в Маньчжурии, особенно, в Харбине, ее культурном центре, вызывает восхищение и говорит о понимании администрацией КВЖД и русской ответственностью роли духовной сферы общественной жизни. В Харбине и

на линии железной дороги было много школ – начальных, выше-начальных, гимназий, коммерческих и реальных училищ, различных курсов. В Харбине все дети ходили в школу. Для малышей существовали ясли и детские сады. В подрастающем поколении преподаватели старались развить любовь к Родине, к русской культуре, истории, традициям. В первые годы учителей выписывали из России. Позднее, с открытием Харбинского педагогического института, ряды преподавателей пополнились местными кадрами.

Одной из замечательных страниц в жизни русской Маньчжурии явилось создание и развитие высших школ в Харбине. Развитие экономики и быстрый рост населения создавали потребность в высшем образовании не только для русской, но и для китайской молодежи. В итоге в Харбине появились: в 1920 г. – Высшие Экономико-Юридические курсы, ставшие с 1922 г. Юридическим факультетом с экономическим, а затем и Восточно-Экономическим подотделами. В 1922 г. был основан Харбинский политехнический институт, воспитанники которого сегодня, рассеянные по всему миру, заслужили завидную репутацию профессионалов-инженеров во всех странах. В 1925 г. открылся Педагогический институт. В том же году открылся Институт Ориентальных и коммерческих наук, готовящий образованных служащих, знающих английский, китайский и японские языки и экономику стран Дальнего Востока. Преподавание велось на двух факультетах: ориентальном и коммерческом. На первом изучались преимущественно восточные языки, география, история, социальный и политический строй стран Дальнего Востока. На коммерческом факультете преобладали коммерческие и экономические науки с необходимым математическим обоснованием. В Харбине существовала профессорско-преподавательская корпорация. Преподавали многие видные профессора: Н.В.Устрялов, В.А.Рязановский, Н.И.-Никифоров, Г.К.Гинс. Среди них был и мой отец, профессор русской словесности, Степан Васильевич Кузнецов, один из создателей Педагогического института и в течение ряда лет его ректор. На высоком уровне в Харбине была жизнь искусства. «Сравнивая харбинскую культурную, музыкальную и артистическую жизнь с тем, что пришлось увидеть за границей, – говорила О.Коренева, – поражаешься, как высоко стояло искусство в Харбине, какое любовное отношение было к нему среди артистов публики. «Это был действительно яркий факел знаний, вдохновения, творчества»⁶.

Не может не восхищать высокий культурный уровень русской администрации. КВЖД, которая заботилась не только о коммерческих интересах, но и о культурной жизни российских граждан, предоставляла материальную базу для развития оперы, драмы, симфонического оркестра, оперетты и других направлений искусства. Так, уже в начале 90-х гг. было построено прекрасное помещение Железнодорожного Собрания с залом на 1200 мест, с богатыми костюмерными, нотной библиотекой. Для публики функционировало 2 огромных фойе, и ресторан, где можно было затем остаться поужинать. Собрание открылось для всех, однако, служащие КВЖД имели по льготной цене сезонный билет на все постановки. Щедрая субсидия Правления дороги позволила в середине 20-х гг. содержать прекрасную труппу. На оперной сцене в Харбине выступали: знаменитый бас А.Мозжухин (брат киноактера И.Мозжухина), бас В.Конторский, тенора Владимирский, Оржельский, Витинг (один из прежних премьеров Мариинского театра), Лемешев, Стрельцов; из певиц – Зырянова, Обухова. Петина, начав карьеру в Харбине, впоследствии выступала как солистка на сцене Метрополитен-опера в Нью-Йорке! В Харбин часто приезжали гастролеры из Европы, в частности, итальянские оперные артисты. С середины 20-х гг. до начала 30-х оперные постановки, главным образом повторные, ставились и в других местах: в Механическом собрании и в Клубе Узла. Механическое собрание также было красивым, вместительным зданием с вращающейся сценой (последней технической новинкой в те годы). Оба здания были построены в районах, где проживали служащие депо и механических мастерских, составляющих основную публику. В этих зданиях ставились оперы, оперетты, драмы, комедии, эстрадные концерты.

Кроме русской оперы была украинская опера и драма. С 1918 г. в Харбине собираются артисты со всех концов России, и Харбин становится буквально центром театрального искусства на Дальнем Востоке. Здесь проходили последние новинки МХАТа, новые пьесы французских авторов. На столь же высоком уровне находилась оперетта. Был симфонический оркестр, хор, струнный оркестр. Три консерватории! Студент ХПИ, Олег Лундстрем создал в 1934 г. джаз-оркестр и «50 лет стоит на мостике своего джазового корабля».

В Харбине, конечно, существовала русская пресса, выходили газеты и журналы: литературно-художественный журнал «Рубеж», детский журнал «Ласточка», «Вестник Маньчжурии» (журнал администрации КВЖД) и др.

В заключение хочется сказать, что строительство КВЖД, своеобразие русской, российской общности в Маньчжурии, уникальность этой российской цивилизации, просуществовавшей полвека, со своими славными и трагическими страницами – это еще малоизученная часть нашей дореволюционной и послереволюционной истории.

Многие аспекты развития российской цивилизации в Маньчжурии заслуживают серьезного изучения именно в связи с проблемами сегодняшнего российского общества и определенной «разрухой в головах» у части граждан, дезориентированных сменой общественно-политической системы, характером поведения в 90-е гг. реформ и изменением системы ценностей. Опыт российской цивилизации в Маньчжурии должен быть востребован. Он интересен и в плане изучения способности русских, российских граждан к предпринимательству, к созданию гражданского общества, к организации быта, культуры воспитания подрастающего поколения, короче – цивилизованных форм жизни. Он нужен в плане изучения тех социальных условий, которые способствуют или препятствуют процветанию общества. Он необходим и в плане осмысления трагических страниц российской истории – гражданской войны и ее последствий для человека и общества, последствий тоталитаризма (причем, россияне в Маньчжурии испытали на себе как японский, так и сталинский тоталитаризм). Он должен изучаться прежде всего нынешней политической элитой. И хотя с исходом русского, российского населения из Китая ушла в небытие, как легендарная Атлантида, российская цивилизация, ее опыт по обустройству жизни не должен быть утрачен. Очень хочется верить, что Россию не постигнет судьба Маньчжурской Атлантиды.

Примечания

- 1 Вопросы философии. 2002. № 7. С.179.
- 2 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С.33.
- 3 См.: Политехник. Орган объединения инженеров, закончивших Харбинский политехнический институт, издающийся в г. Сиднее (Австралия). Юбилейный выпуск. 1969–1979, С.213.
- 4 См.: Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае. Мат-лы конф. М., 19–21 мая 1998 г. М., 1998.
- 5 Попов А. Золотой век русской эмиграции в городе Харбине (1920–1931 гг.) // Русские в Китае. № 12. С.8.
- 6 Коренева О. Искусство в Харбине // Политехник... С.154.